

У Горькаго.

де путешествие къ Горькому не нуждается въ описаніи. Было насъ двое. И обоихъ насъ трепало подь проливнымъ дождемъ. Подь грома бури наша телѣжка неслышно подѣхала. Насъ встрѣтили нѣскольکو изумленнымъ ствѣемъ:

Алексѣй Максимовичъ, къ тебѣ два мокрыхъ го- рькаго прѣехали.

А ты прикажи ихъ повѣсить на кухнѣ,—раздался шутильвый голосъ и послышались спускающіе по лѣстницѣ крѣпкіе шаги.

Человѣкъ высокаго роста, въ темно-синемъ пальтѣ, тщательно выбритый, суховатый, прямой. Лицо очень мужественный и сильный. Вся вѣщеразу крѣпко запоминается.

Желтоватомъ лицѣ изъ темныхъ, глубокихъ впадин пристально смотрятъ сѣрые, живые глаза, разлитіе строгую увѣренность и вспыхивающіе смѣли и привлекательнымъ огнемъ.

Тяжелыя густыя усы прикрываютъ гордое и упрямое изгибаніе губъ, на которыхъ бродитъ при разговорѣ усмѣшка. По временамъ, когда у Горькаго издается веселое слово, лѣвая щека его собирается въ складку, лучистыя складки и прищуренный лѣвый глазъ загорается добродушнымъ сіяніемъ. Но правая сторона остается сурово - разглаженной и правый глазъ выдаетъ сѣрымъ стальнымъ спокойствіемъ.

Широкий ротъ, морщинистый лобъ и нависшія брови образуютъ нѣскольکو похожимъ лицо Максима Горькаго и Фридриха Нитцше.

Горькій говоритъ оу Горькаго густой, богатый пріятными отблесками и говорить онъ безъ прикрасъ и свободно. Телѣжка, привыкшаго ко всему относиться по-чуждому и до многаго дошедшаго собственнымъ умомъ. Горькій спокойно и разсудительно, Горькій скрывается, переходитъ на образный діалогъ и въ разговорѣ вѣтерпнѣи повторяетъ нѣкоторыя слова и по три раза подрядъ.

Вы думаете, декаденты сами считаютъ себя глупыми и пошлыми? Вы думаете, это конецъ и очертаніе и припадуть на вашу братскую грудь? Никогда!.. Никогда!..

Первое мгновение между нами и Горькимъ воцарилась вѣжливая и говорившія слова, повисли сотни разъ. Но вскорѣ бесѣда приняла иное направленіе.

Затѣмъ вамъ бесѣду съ Горькимъ съ большими силами.

Горькій, потому, что голова идетъ кругомъ отъ мысли и писать тяжело. Чувствуешь нищету своею рядомъ съ этими нѣжно-золотыми тонами улыбки, скалами и стальными волнами моря.

На сотни версты тянутся высокія, крутыя шхеры, то покрытыя льдомъ, то выскочившія изъ воды на манеръ гигантскихъ горбовъ. И страннымъ кажется это сочетаніе камня, сосны и волнъ. Кажется, будто ты брошенъ въ совершенно другой міръ, угрюмый и сказочный, какъ скандинавская сага. Дико, безлюдно и красиво. Только дробное постукиваніе парохода и бакланы съ длинными, прямыми носами, упрямо не отстающіе отъ кормы, оживляютъ эту восхитительную пустыню. Да еще вѣтеръ, крѣпко пахнущій солью, сосной и іодомъ, вливаетъ въ легкія и въ каждую жилку необыкновенную бодрость.

Съ другой стороны, меня останавливаетъ мысль, что не все, сказанное Горькимъ, можетъ быть передано полностью. Боюсь, какъ - бы профессиональное пристрастіе къ откровенности не оказалось въ ущербъ простой деликатности. Быть можетъ, прежде чѣмъ оглашать нѣкоторыя вещи, мнѣ надлежало-бы поговорить съ самимъ Горькимъ и попросить его совѣта.

Все дѣло—въ аскетической искренности Горькаго. Онъ не любитъ излагать свои мысли разсчетливо и осторожно. Говоритъ онъ, пожалуй, скупо; но говорить не какъ поэтъ, а скорѣе, какъ проповѣдникъ. И въ словахъ его много строгости и горечи, легко выпадающей въ суровое обличіе.

Имя Горькаго имѣетъ для насъ значеніе символическое. Мы привыкли смотрѣть на него, какъ на политическаго изгнанника, какъ на олицетвореніе мученика свободы. И въ цѣляхъ этой символики находятъ почти все, которые писали или пишутъ о личныхъ настроеніяхъ Горькаго. По крайней мѣрѣ слова: отреченіе, каторжій узникъ, тоскующій бунтовщикъ и проч. сдѣлались обычнымъ украшеніемъ всѣхъ подобныхъ статей. Горькій, очень забавно подшучивалъ надъ семинарскою вдохновенностью этихъ авторовъ и съ добродушной ироніей называлъ нѣскольکو именъ, которыя, по его словамъ, советамъ замариновали его въ патоку и превратили въ слезоточивую вдову, добродѣтельно тоскующую въ изгнаніи.

— Но развѣ вы не обрадовались возможности вернуться въ Россію? спросилъ я въ разговорѣ.

— Конечно, обрадовался. Соскучился я, живя за границей. Но я никогда не забуду пользы, принесенной мнѣ Европой. Европейская культура явилась спасительнымъ противоядіемъ для меня. Я, дикарь, вдругъ попадаю въ обстановку, гдѣ лакеи и извозчики вѣжливѣе и предупредительнѣе нашихъ генераловъ. Гдѣ дома, магазины, университеты, парламенты все это соткано изъ красоты и дышетъ благородствомъ, умомъ, культурой. Здѣсь человѣкъ сидитъ на козлахъ — и читаетъ и учится. Когда - же мнѣ было тосковать, если работая съ утра до ночи, не хватало ни силъ, ни темперамента, чтобы угнаться за этой бездной вкуса, за этими колоссальными познаніями?..

— Какое-жъ впечатлѣніе произвела на васъ Россія послѣ всѣхъ Венецій, Берлиновъ и Женевъ?

— Быть можетъ, васъ поразятъ мои слова, но скажу вамъ прямо: прескверное впечатлѣніе. Боже, какъ далеко мы отстали отъ Запада, и какъ долженъ насъ презирать европеецъ. Прежде всего его стошнило — бы отъ нашей бесплодности и лѣни. Европеецъ—онъ дѣятельный. И дѣлительная сила Европы въ томъ и заключается, что зеркало жизни — улица — воспроизводитъ энергію европейца въ наивысшей мѣрѣ, и всѣмъ своимъ головокружительнымъ бѣгомъ разгорячаетъ сердце и мозгъ. А наша улица—кладбище. Только кладбище шумное, крикливое, похоже на базаръ. Ибо съ виду все у насъ, какъ въ Европѣ: автомобили, трамвай, кучера. Но этотъ грохотъ и шумъ отодвигаетъ человѣка куда-то на третій планъ. Человѣка не слышно. Да, не слышно...

Въ Европѣ человѣкъ смѣется, доволенъ, и всегда у него человѣческое выраженіе—грустное, горделивое, радостное. А у насъ всѣ угрюмы, завистливы и точно солнца не видали никогда...

Не знаю, лицемѣри-ли это, но человѣкъ не можетъ быть всецѣло и исключительно апатичнымъ. И оттого, вѣроятно, апатія у насъ связана со злостью. Съ деспотизмомъ и злостью. Всѣ угрюмы, ругаются. Лежатъ на людяхъ какаля-то сѣрая плѣсень и всѣ готовы съѣсть другъ друга. А за что? Чортъ ихъ знаетъ! На каждомъ встрѣчномъ лицѣ читаешь:

— Идешь?! А куда ты идешь? И для чего идешь? Я, братъ, все вижу, черти-бъ тебя подрали...

И женщины другъ-другу оглядываютъ такими-же свирѣпыми глазами и каждая съ раздраженіемъ думаетъ:

— Ишь ты!... Не нашла другого фасона... Да и пошто, вѣрно, на деньги любовника...

А злость, знаете, это скверное возбуждательное средство. Это, скажу я вамъ, хуже садизма, хуже розги, которыми дряхлѣющіе развратники возбуждаютъ въ себѣ угасшую похоть. Злость отнимаетъ и извращаетъ послѣднія духовныя силы, и было бы очень плохо, если бы этой отравленной кровью питалось все русское общество...

— Значить, не все ужъ такъ скверно и безнадежно? Значить, есть еще люди, не до конца протухшіе и отравленные?

Лѣвая щека Горькаго съежилась, сморщилась, и въ лѣвомъ глазу забѣгали веселыя змѣйки.

— Ну, разумѣется, не всѣ,—сказалъ онъ новымъ, довольнымъ тономъ, и точно сразу изъ помѣщенія, гдѣ было тѣсно и душно, вышелъ на свѣжій воздухъ.

— Есть Россія молодая и старая,—продолжалъ онъ, воодушевляясь. У послѣдней—хорошо-ли это, нѣтъ-ли, а надо сознаться, нѣтъ больше ни сегодня, ни завтра. вмѣсто знаній — нахальство, вмѣсто труда—лѣнь и свинство. И больше ничего. Молодая Рос-

сія—вся въ будущемъ. Быть можетъ, сегодня у нея пасмурное, но она постоянно чувствуетъ свое завтра. Книгу новой русской исторіи напишетъ демократія, и нѣкоторые листы этой книги уже пишутся. Да, пишутся...

Пишутся—въ буквальномъ значеніи этого слова. Я имѣю въ виду писателей—самоучекъ. Я знаю, вы другого о нихъ мнѣнія. А я такъ восхищаюсь ихъ бодростью, идеализмомъ и вѣрой. Они сами знаютъ, что таланта у нихъ немного; но они смотрятъ на себя, какъ на сигнальные залпы. И каждый изъ нихъ, обручившись съ искусствомъ, несетъ большую отвѣтственность. Вы посмотрите на маленькаго, плохенькаго приказчика, который пишетъ стихи. И самъ онъ невзрачный, и стихи его неказистые. А каждую его строчку всѣ приказчики на память вытвердили. Почему? А потому, что имъ лестно: и у насъ есть свой Сидоровъ, Егоровъ, который не хуже Пушкина стихи сочиняетъ. И вотъ, смотришь: нацѣпилъ себѣ Сидоровъ красныя галстухъ, носить лакированные ботинки и уже чувствуетъ себя головою выше другихъ. А оттого, что голова его высовывается надъ всѣми, пробуждается сознание отвѣтственности, приходится судорожно работать, добиваться, искать. И каждый чувствуетъ себя счастливымъ, если его рвеніе встрѣтитъ хоть самую маленькую поддержку.

Литературными дарованіями они не блещутъ. Но всѣхъ этихъ людей природа надѣлила въ избытокъ однимъ талантомъ—неукротимой жаждой хотѣлъ и стремиться. И всѣ инстинктивно умѣютъ дѣлать свое культурное дѣло. Я, вотъ, припоминаю. Затѣялъ я одинъ сборникъ—объ европейскихъ погромахъ. Хотѣлъ издать его сразу на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Обратился къ разнымъ писателямъ. Казалось бы, дѣло ясное. А получилъ чортъ знаетъ что. Одинъ беллетристъ, который и пишетъ недурно, прислалъ повѣсть о ростовщикѣ - еврей. Ростовщикъ грабитъ и сосетъ, а дочь его стоитъ на баррикадѣ, пока пуля не попадаетъ ей прямо въ сердце.

Тутъ Горькій снова весело усмѣхнулся и изъ-подъ усовъ его взлетѣла маленькая ракета:

— Есть такая беллетристическая пуля, которая всегда попадаетъ прямо въ сердце.

И владыка тотчасъ-же въ серьезный и страстный тонъ, горячо добавилъ!

— Нѣтъ, съ молодыми писателями изъ народа такихъ вещей не случится. Нескладно, безграмотно и путанно они пишутъ, но въ подлинности ихъ любви къ человѣку и къ жизни сомнѣваться нельзя. Собралъ я теперь такихъ самоучекъ цѣлую книгу, скоро увидите. Сколько тутъ вѣры, мужества, благородства. Это пока еще тихій шопотъ. Но онъ прозвучитъ, непременно прозвучитъ на весь мѣръ («Кіев. М.»).

Л. Войтоловскій.